

I

 Тебе не стоит столько пить, – прошептал Джордж, нарушая покой жаркой летней ночи, когда они возвращались домой по безлюдной улице.

– Всего три бокала, – возразила Джини. – Я же не пьяна.

Она открыла дверь и прошла на кухню. Стояла невыносимая жара, даже в половине одиннадцатого вечера. Швырнув ключи и сумочку на стол, она распахнула высокие французские окна, выходящие на террасу.

– Чертовски неловко, ты так кричишь и шумишь, когда выпьешь, – продолжал Джордж, словно она ничего не говорила. – Как будто кого-то интересует тестирование витаминов. Если бы ты не напилась, то заметила бы, как твой собеседник зевал от скуки.

Джини посмотрела на мужа, издевка в его тоне задела ее. Он был напряжен весь вечер, что ему совершенно не свойственно, и раздражителен – еще до поездки к Марии и Тони. Потом, едва они допили кофе, Джордж вскочил, сказав что им пора, якобы рано утром у него встреча, хотя она знала, что это не так.

– Я не была пьяна, Джордж. И сейчас не пьяна. Это он меня расспрашивал, – сказала она тихо.

Джордж взял ключи, которые она кинула на стол, и повесил их на крючок в прихожей. Над каждым крючком висела подпись, выведенная аккуратным, ровным почерком Джорджа: Джордж – Д, Джини – Д, Джордж – М, Джини – М, Запасной Д, Запасной М, чтобы у каждого ключа – от дома и машины – было свое место.

– Давай пропустим по стаканчику на свежем воздухе. Слишком жарко, чтобы спать, – взглянула она на мужа, пытаясь понять, простил он ее или нет, но тот напряженно уставился в пустоту.

– Уверен, он решил, что ты с ним флиртуешь, – не унимался Джордж, пристально взглянув на жену.

– Ради всего святого! – У Джини перехватило дыхание, она отвернулась, покраснев, хотя и не чувствовала за собой вины – ее тощий, долговязый, с тусклыми зубами собеседник был, безусловно, приятным человеком, но никак не мог стать объектом вожделения. Ей стало тревожно. Она ненавидела конфликты. Воспитанная в доме приходского священника в унылом, промозглом Норфолке, она видела, как ее мать мирилась с грубыми, деспотичными выходками отца, никогда не оспаривая его права оскорблять ее. Джини всегда боялась отца, но надеялась, что однажды ее мать наконец-то «взорвется», восстанет против его тирании, и клялась, что никогда никому не позволит так обращаться с собой. Мягкий, спо-

койный Джордж, казалось, не имел ничего общего с ее отцом.

Джордж поднял брови.

– Ты покраснела.

Джини глубоко вдохнула.

– Давай по бокалу «Арманьяка» и посидим на веранде, остынем, – произнесла она, ненавидя себя за свой вкрадчивый тон. – Ты же видел его, – добавила она неуверенно, направляясь к террасе. Тревога неприятно сжимала ей сердце, и Джини почувствовала усталость.

– Лучше я пойду наверх, – сказал он, но не двинулся с места; просто стоял посреди кухни, долговязый, неуклюжий и печальный. Мысленно он был далеко; конечно, нелепая ссора из-за ужина была забыта.

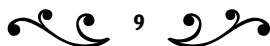
– Джордж, что случилось? Что с тобой? – она подошла к нему и заглянула в лицо. Ее поразило безмерное отчаяние в его карих глазах, которого она никогда раньше не замечала. – Джордж?

Секунду он смотрел на нее, замерев. Он хотел что-то сказать, но внезапно отвернулся.

– Что-то случилось сегодня?

– Все хорошо... хорошо, – перебил он ее. – Ничего не случилось. Что могло случиться? Она видела, как в смятении его лицо исказилось, словно пытаясь изобразить спокойствие. Джордж направился к лестнице.

– Идешь? – буркнул он.

В спальне было душно, хотя окна весь день оставались открытыми настежь. Джини опустилась на кровать, Джордж подошел к ней, коснулся пальцем ее щеки, губ и медленно повел рукой вниз, едва сдерживая желание. Она не хотела его, но в его ласках было что-то столь решительное и упрямое, чему сложно было противостоять. Нельзя сказать, что они занимались любовью; это вообще не имело ничего общего с ней; на месте Джини мог быть кто угодно. У нее даже появилось странное чувство, что оба они не здесь – обнаженные на жаркой, влажной простыне. Это походило на удаленное занятие, механическое, анонимное упражнение.

Внезапно, не произнося ни слова, Джордж отскочил, прижавшись к деревянному изголовью кровати, будто по простыне прополз скорпион.

Джини прищурилась в темноте.

– В чем дело, что случилось?

Ее муж молча спрыгнул с кровати и включил ночник. Он стоял голый, обхватив себя руками, и смотрел на жену. Она с трудом сдержала отвращение, увидев его карие глаза такими холодными, пустыми.

– Я... не могу..., – он говорил медленно, осторожно, словно тщательно подбирая каждое слово.

Джини потянулась к нему, но он выставил руку, будто защищаясь, хотя она едва сдвинулась

с места. Другой рукой он подобрал свои темно-синие пижамные штаны и прижал их к себе, как щит.

– Я не понимаю, Джордж. Что ты хочешь сказать? – едва дыша, Джини приподнялась и взглянула ему прямо в глаза.

Джордж не отвечал, просто стоял.

– Я хочу сказать..., – заговорил он, словно терпящий кораблекрушение, но отказывающийся от помощи. – Я так больше не могу.

– Чего ты не можешь, Джордж?

Он отвернулся, взял очки с ночного столика и направился к двери.

Джини вскочила и бросилась за ним.

– Куда ты, Джордж? Ты не можешь вот так бросить меня. Дело во мне? Пожалуйста, скажи...

Но Джордж оттолкнул ее, даже не взглянув.

– Посплю в гостевой.

«Я так больше не могу». Его слова не давали ей покоя, пока она лежала одна на смятой постели, потрясенная и растерянная. Они прожили вместе двадцать два года, и их жизнь всегда была размеренной, даже немного скучной. Они никогда не спорили, Джини всегда мирилась с совершенно безвредным желанием Джорджа контролировать ее. А сегодня у нее было такое чувство, словно незаметно для самой себя она оказалась на вершине вулкана, который вдруг неожиданно решил взорваться. Что нашло на ее мужа?

Утром Джордж вел себя так, словно ничего не случилось. Она в ночнушке спустилась в залитую солнцем кухню и увидела, как он расставляет стаканы и тарелки, баночку с джемом, масленку с крышкой в виде коровы, как и всегда.

– Что произошло ночью? – спросила измученная Джини, тяжело опускаясь на стул.

Он удивленно взглянул на нее, продолжая наполнять водой чайник из нержавеющей стали.

– Ничего. Просто я устал.

– И все? – изумилась она. – Больше тебе нечего сказать?

Не выпуская из рук чайник, он недоуменно посмотрел на нее.

– Только, пожалуйста, не драматизируй, как обычно, Джини. У меня столько работы. Я же сказал, что устал.

Он поставил чайник на подставку и аккуратно нажал кнопку, пригладив бордовый галстук на безупречно белой рубашке и заправив его кончик в полосатые брюки на красных подтяжках.

Джини молчала. Может, ей все это показалось.

– Джордж, ты сбежал от меня ночью, будто у меня неожиданно выросло десять голов. Тут не нужно ничего драматизировать.

Джордж обошел вокруг стола за ее спиной, и когда он мимоходом поцеловал ее в голову, она

уловила легкий запах пены для бритья, которую она купила ему на Рождество.

– Не хочу говорить об этом, – он открыл холодильник. – Сок? Я сварю тебе яйцо.

С тех пор Джордж не возвращался на супружеское ложе, где сейчас, десять лет спустя, лежала Джини, прислушиваясь к уверенным шагам мужа у нее над головой. Было не больше половины шестого утра, но Джордж уже опаздывал. Она мысленно проследила его привычный путь до ванной, услышала, как он пустил воду, как вода потекла по трубам, потом он зашагал по спальне, выбирая одежду. За тридцать два года брака его распорядок дня ни разу не менялся, но после той ужасной ночи она уже не могла участвовать в этом действе. Она и сегодня не понимала, почему он поступил так. Сначала она почти каждый день умоляла его объяснить. Если он боится потерпеть неудачу, с этим страхом можно справиться. Если это она сделала что-то не так, пусть скажет. «Пожалуйста, вернись в нашу постель, Джордж, пожалуйста» – она упрашивала, уговаривала, унижалась, чтобы вернуть все, как было.

Та ночь разверзла между ними гигантскую пропасть, отзывалась болью на повседневном общении, однако Джордж не проронил ни слова и ка-

тегорически отказывался касаться этой темы – не было никакой причины, она ни при чем, и он не может говорить об этом. Джини так устала от постоянного напряжения, что в какой-то момент просто сдалась и никому ничего не сказала, даже своей лучшей подруге Рите, потому что, как это ни странно, ей было стыдно. Конечно, несмотря на заверения Джорджа в обратном, все дело наверняка, в ее недостаточной сексуальности.

Терзаясь сомнениями, Джини больше ни разу не попыталась «совратить» его. Лишь однажды, примерно год спустя, когда оба много выпили, он пошел за Джини в спальню, которая теперь принадлежала только ей, и они, пьяные, принялись возиться на кровати прямо в одежде. Но почти сразу же, даже несмотря на туман в голове, она почувствовала мучительную нерешительность в ласках своего мужа. Его рука дрожала, едва касаясь ее кожи, а тело отстранялось от нее, даже когда он целовал ее в губы. А потом, как и раньше, заслонка опустилась, и он оттолкнул ее, словно она порочная соблазнительница, быстро и молча слез с кровати и вышел вон.

Их брак выдержал это. Она привыкла, хотя и не сразу: медленно и мучительно чувства угасали, а гнев Джини на молчание мужа – которое раздражало больше, чем случившееся – стал сдержанным, оправданным, неизбежной жертвой ради сохранения брака. Жертвенность играла важней-

шую роль в ее детские годы: «Христос умер, чтобы мы жили. Помните это и благодарите. Аминь». – любимая молитва ее отца. Фанатично набожный, преподобный Дикенсон строил свою жизнь на суровом и безрадостном долге, требуя того же от семьи, которая безмолвно ожидала, когда он провозгласит свою непреклонную волю.

Вскоре после этого Джордж купил ей помещение под магазин, вероятно, в качестве некоей абсурдной компенсации, и она с головой ушла в бизнес, полная энергии и энтузиазма. И добилась успеха. Магазин экологически чистых продуктов «Pomegranate» располагался на полпути к Хайгейт-Хилл. Там продавались обычные витамины, лечебные травы, текстиль, а также натуральные овощи, сыры, свежие соки и фруктовые коктейли, вкусный цельнозерновой хлеб и гастрономические продукты. Со временем у Джини появились постоянные клиенты, даже такие которые приезжали к ней издалека, кроме того, ее сэндвичи продавались по дороге в Хемпстед-Хит, где обычно устраивали пикники.

Она, наверное, задремала, ее разбудил голос: «Доброе утро». Джордж аккуратно поставил кружку горячего чая на ночной столик.

– Какой чудесный день, – он раздвинул тяжелые занавеси, и весеннее солнце залило комнату,

потом подошел к Джини, улыбаясь. Его седые волосы были тщательно уложены, очки в черепашьей оправе перекошились, как всегда, – одна дужка была выше другой, так им показалось много лет назад, хотя внешне это было незаметно, – отчего он казался таким ранимым и беззащитным.

– Какие планы на сегодня?

Она зевнула.

– Собеседование с новой работницей в магазине. Йола уже не доверяет себе, после последней неудачи. Потом встреча с новым поставщиком обедов для вегетарианцев; потом предстоит найти недорогой прилавок для охлажденных продуктов – наш старый, который стоит возле окна, долго не протянет. А потом Элли.

Они оба улыбнулись, подумав о внучке.

– А ты чем займешься?

Джордж направился к двери своей обычной неуклюжей походкой.

– У меня дел не так много, как у тебя, старушка. Гольф после обеда. Обними за меня нашу очаровательную девчушку.

Он хотел казаться веселым, но она заметила – с тех пор, как пять лет назад страховая компания, где он работал еще с самого детства, «предложила» ему пораньше выйти на пенсию – желание казаться занятым. Лишь однажды Джордж намекнул на это через несколько месяцев после ухода с работы: он ощущал себя «запчастью», так он это на-

зывал. Но между ними кое-что изменилось. Сначала она чувствовала себя почти что виноватой, с воодушевлением отправляясь каждый день на работу и оставляя его одного, когда единственным его развлечением был гольф. Однако он взял себя в руки, вернулся к старому хобби, которым увлекался еще в юности, – покупал старые часы, разбирал их и чинил, и вскоре они наводнили весь дом: отовсюду доносилось тиканье, в основном в разнобой, будто полки и комоды ожили. Только в спальне Джини было тихо. Но она чувствовала, что навязчивый характер ее мужа, сдерживаемый благодаря ее успешной карьере, постепенно берет верх. А вместе с ним и раздражающее желание контролировать ее. Это всегда стояло между ними, но с недавних пор повода для шуток не осталось.